

словесной, невыраженной въ Словѣ, въ сознаниі. Л. Толстой—исключительно оригиналенъ и геніаленъ, и онъ же исключительно баналенъ и ограниченъ. Въ этомъ бьющая въ глаза антиномичность Толстого.

Съ одной стороны Л. Толстой поражаетъ своей органической свѣтскостью, своей исключительной принадлежностью къ дворянскому быту. Въ „Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности“ обнаруживаются истоки Л. Толстого, его свѣтское тщеславіе, его идеаль челоуѣка *comme il faut*. Эта закваска была въ Толстомъ. По „Войнѣ и миру“ и „Аннѣ Карениной“ видно, какъ близка была его природѣ свѣтская табель о рангахъ, обычаи и предрассудки свѣта, какъ онъ зналъ всѣ изгибы этого особаго міра, какъ трудно казалось ему побѣдить эту стихію. Онъ жаждалъ уйти изъ свѣтскаго круга къ природѣ („Казачи“) какъ челоуѣкъ слишкомъ связанный съ этимъ кругомъ. Въ Толстомъ чувствуется вся тяжесть свѣта, дворянскаго быта, вся сила жизненнаго закона тяготѣнія, притяженія къ землѣ. Въ немъ нѣтъ воздушности, легкости. Онъ хочетъ быть странникомъ и не можетъ быть странникомъ, не можетъ стать имъ до послѣднихъ дней своей жизни, прикованный къ семьѣ, къ роду, къ усадьбѣ, къ своему кругу. Съ другой стороны тотъ же Толстой съ небывалой силой отрицанія и геніальностью возстаегъ противъ „свѣта“, не только въ узкомъ, но и въ широкомъ смыслѣ слова, противъ безбожія и нигилизма не только всего дворянскаго общества, но и всего „культурнаго“ общества. Его бунтующая критика переходитъ въ отрицаніе всей исторіи, всей культуры. Онъ,—съ дѣтскихъ лѣтъ проникнутый свѣтскимъ тщеславіемъ и условностью, поклонявшійся идеалу „*comme il faut*“ и „быть, какъ всѣ“,—онъ не зналъ пощады въ бичеваніи жи, которой живетъ общество, въ срываніи покрововъ со всѣхъ условностей. Черезъ толстовское отрицаніе должны пройти дворянское, свѣтское общество и господскіе классы, чтобы очиститься. Толстовское отрицаніе остается великой правдой для этого общества. А вотъ еще толстовская антиномія. Съ одной стороны поражаетъ своеобразный матеріализмъ Толстого, его апологія животной жизни, его исключительное проникновеніе въ жизнь душевнаго тѣла и чуждость его жизни духа. Этотъ животный матеріализмъ чувствуется не только въ его художественномъ творествѣ, гдѣ онъ обнаруживаетъ исключительно геніальный даръ проникновенія въ первич-